

*Традиции
национальных
культур*

Национальная культура принадлежит к тем краеугольным понятиям, без которых не существует ни общество, ни нация, ни государство. Процесс формирования национальной культуры любого народа имеет свою протяженность и свою уникальную историческую судьбу. Базируясь на единой духовной основе, на общих закономерностях самоорганизации, национальная культура вместе с тем обладает своим неповторимым культурно-историческим рисунком, своими, присущими только этому народу традициями.

«К области Культуры, — пишет в статье «Чаша Грааля космической эволюции» Л.В. Шапошникова, — мы можем отнести прежде всего те проявления человеческого духа, которые как бы сами собой изливались из таинственных глубин самого человека и были естественны для него. Они носили природный характер, без них человек не мог бы оставаться человеком. Песня и музыка, искусство во всех его проявлениях, различные культы, этические моменты, поэзия и многое другое, казалось, появились вместе с человеком, росли и развивались параллельно с его сознанием. В отличие от материи цивилизации, творимой человеческими руками и рассудком, дух Культуры складывался как бы сам собой, создавая удивительные и прекрасные узоры Великого творчества»¹.

Национальное культурное наследие, ценности, идеи, нормы поведения, обычаи, обряды передаются от поколения к поколению, они нераздельно связаны как с прошлым, черпая оттуда те или иные эпизоды культурных явлений, закрепляя в народном самосознании те или иные тенденции, так и с будущим, экстраполируя и развивая культурный контекст народной жизни.

Оберегая и закрепляя творческие начала в культуре любого народа, национальные традиции развиваются диалектически: абсолютизация и культурный фетишизм традиций порождают застой и элементы суеверия, а пренебрежительное отношение к культурно-историческому наследию народа нарушает преемственность глубинных культурных связей, приводит к утрате наиболее ценного культурно-эстетического опыта.

Многое из того, что было важным и обязательным для наших предков, ушло безвозвратно, стало музейной архаикой. Неумолимая цивилизация стирает приметы национальных культур. Можно ли и нужно ли этому противостоять?

Нашу новую рубрику открывают размышления о традициях белорусского народного творчества.

¹ Культура и цивилизация. М., 1997.

Символика ручника в белорусской традиции

 белорусский ручник относится к тем предметам народного искусства, которые принадлежат и прошлому и настоящему. Он неперенный спутник нашей жизни, от свадьбы и родин до проводов в последний путь. Без традиционной узорчатой домотканины не обходится ни одна выставка народного искусства, именно в ней с наибольшей яркостью воплотились национальные орнаменты, высокое мастерство тканья, вышивки, плетения.

Столетие за столетием оттачивались характерные признаки традиционного белорусского ткачества, формировался канон, который никогда не ограничивал ткачиху, вышивальщицу, а позволял выразить свой характер и темперамент, свое понимание красоты и совершенства. Ручник — результат коллективной работы и индивидуального *устремления*. Каждый раз, начав работу, ткачиха надеялась, что ее узорчатое полотно будет не хуже, чем у людей, а может быть, даже и лучше.

В сложных и разнообразных функциях белорусского ручника ощущается дыхание прошедших эпох, миропонимание и обычаи длинного ряда предшествующих поколений. Ручников в старое время требовалось немало, они использовались практически во всех семейных обычаях и обрядах. Ручник служил по необходимости то простым *утиральником*, то атрибутом обрядового костюма, *обетной* тканью, а то и магическим *оберегом*, способным отвести беду от человека.

Бытовой ручник-утиральник выглядел повсюду одинаково: полтора метра длиной, вытканый полотняным, а чаще саржевым переплетением, концы украшены несколькими красными полосками узорчатого «натяканья», а также традиционным кружевообразным плетением из ниток основы. Видоизмененные формы утилитарного ручника — «надзежнік», полотняное покрытие для дежи, и квадратный «скарач». Длинные махры, иногда свитые упругими декоративными шнурами, помогали использовать скарач для переноса керамической посуды с едой. В конце XIX — начале XX века бытовали на Белоруси «платки» — не-

большие полотенца наподобие русских ширинок, их использовали для подарков.

Женский традиционный головной убор «намітка» — тоже ручник. Этим продолговатым полотнищем с узорчатыми концами замысловато наматывали, завивали, обкручивали (в каждой местности по-особому) голову, оставляя свободным только лицо. Формой и украшениями намитка похожа на девичью головную повязку, «скіндачку», только та наполовину, а то и в три раза короче. Завязанная вокруг головы, она оставляла косы открытыми.

Среди декоративных ручников центральное место занимал «набожнік», им украшали иконы и божницы. Набожник отличался богатством тканого или вышитого орнамента и длиной — от двух

до пяти метров в зависимости от размеров божницы и количества образов.

Со временем характерные признаки ручников стерлись, и сейчас трудно отличить свадебный ручник от погребального, набожник от обетного или родильного. Переиначилась орнамента, видоизменились мотивы, забылась их знаковая сущность. Время оставляло на ручнике свои приметы и одновременно нивелировало многое из того, что было важным и обязательным для наших предков.

А когда-то роды и крестины без ручника нельзя было представить. Во время родов, чтобы облегчить боль, женщина держалась за подвешенный к потолку ручник, в котором носили пасху. Родственницы, соседки, знакомые, поздравляя роженицу, приносили еду, завернутую в полотно или ручник. Хлеб, ручник, «пляшку гарэлкі» дарили на крестинах повивальной бабе. Каждый из кумов нес матери и младенцу хлеб, покрытый ручником или

куском полотна. Одаривая священника, несли опять же хлеб и ручник.

Хлеб и ручник (намитка) несли глубокую смысловую нагрузку. У белорусов, как и у многих других народов, хлеб был одним из самых священных предметов. Его обожествляли, с ним обращались как с живым существом. Если крошки случайно падали на пол, их поднимали и просили у хлеба прощения. Обернутый чистым ручником или прикрытый углом скатерти краец хлеба на столе свидетельствовал о трудолюбии, достатке и жизнестойкости семьи. У всех восточнославянских народов существовал одинаковый обряд приобщения новорожденного к семье и общине: бабка-повитуха купала дитя, потом, держа ребенка на руках, вместе с кумовьями обходила три раза вокруг стола, где лежал хлеб, при этом каждый обход сопровождался целованием хлеба.

Ручник всегда был рядом с хлебом. Он не только предохранял его от загрязнения, его сакральность подтверждается неизменным пребыванием на «покуці». Ручник был символом чистоты и знаком благословения Бога, Высших сил, которые, по верованиям крестьянина, даруют жизнь, здоровье и благополучие. Хлеб-соль, поднесенные на ручнике, были и остаются наиболее ценным даром гостю, этот обычай дошел до наших дней у всех восточнославянских этносов, корни его — в языческой мифологизации хлеба и ручника.

Ручник — неперемный атрибут обряда *очищения*, «зліукі». В соответствии с традиционными представлениями восточных славян роженица, бабка-повитуха, ребенок и даже муж роженицы, а также само помещение, где проходили роды, считались нечистыми. Только после ритуального очищения повитуха имела право принимать на свет следующего новорожденного, а роженица — вернуться к своим повседневным обязанностям. Обряд очищения сводился к ритуальному мытью рук: повитуха насыпала в миску овес, наливая воды, помешивала смесь прутком, сопровождая это действие словесными приговорами, и звала роженицу. Обе держали руки над посудиною, а кто-нибудь из присутствующих женщин обливал их три раза. Потом заранее приготовленным утиральником бабка вытирала руки, а утиральник оставляла себе.

Символика очистительного обряда, видимо, связана с народными представлениями о существовании особых, таинственных форм бытия, невидимых физическому глазу. Живой, населенный различными, чаще дружественными существами и силами, этот мир вмещал и тех, кого крестьяне называли «нечистой

силой», «нечистью», «нечистым духом». Именно их, по поверью, притягивала пролитая родовая кровь. Вот почему первые девять дней после родов считались для роженицы небезопасными. Иногда обряд очищения проходили все присутствовавшие на родинах, что должно было способствовать общему здоровью и благополучию. Повитуха протирала мокрым ручником лица роженицы, ее мужа, дитяти и кумов и каждому высказывала пожелание: «Дай жа, Божа, каб ты быу крэпак, як вада, багат як зямля, вясёл, як пчала, а красён — як вісна».

Традиционную белорусскую *свадьбу* тем более нельзя представить без ручника. О приданом невесты родители беспокоились заранее, с 14—15 лет, а иной раз с малолетства дочери. Количество и декоративность ручников зависели от достатка, трудолюбия девушки и мастерства ее матери и имели престижное значение.

Сватать обычно ехали под вечер. Иногда сваты гостинцев и подарков с собой не брали, но чаще несли водку, «бохан» или кусок хлеба, завернутые в ручник. Хлеб, замысловато испеченный матерью жениха, ручник и бутылка водки, заткнутая соломой, — обычный подарок со стороны сватов на рукобитьи, «заручынах, запоінах». Если девушка симпатизировала жениху, ее мать забирала привезенный сватами хлеб, взамен давала свой, а в бутылку, где была водка, насыпала рожь, обматывала ручником и завязывала поясом. Это означало согласие на брак. Традиция требовала, чтобы в период «заручын» жених и сваты сидели на ручнике. Не обходились без ручника и «запросіны» — традиционный ритуал приглашения на свадьбу. Молодая в праздничном убранстве с хлебом, завернутым в ручник и с завязанным на руке другим ручником (платком), за который ее вела «дружка», шла приглашать односельчан. Выходя из каждой хаты, невеста тянула ручник по земле, чтобы дочери хозяина быстрее выходили замуж.

В «суборную» субботу, последний вечер перед свадьбой, на девичник приходили родители жениха с подарками для невесты и ее родни. Девушка в ответ дарила жениху сорочку, пояс, штаны, а свекру и свекрови — ручники на иконы.

Присутствовал ручник и в обряде «пасада», что должно было обеспечить

семье богатство, урожайность и многочисленное потомство. Жениха и невесту, каждого по отдельности или совместно, сажали на дежу, покрытую вывернутым кожухом и ручником. Посад жениха символизировал признание общиной его зрелости, его права на создание семьи.

Перед венцом молодая, держась за один конец ручника, вместе с братом (сестрой или теткой) тоекратно обходила вокруг стола или дежи, кланялась и целовала каждого из присутствующих. После этого ее сажали на дежу с замешанным караваем. Во время венчания жениха и невесту заставляли крепко обняться, а затем трижды обкручивали ручником. Этот обряд узаконивал брак в присутствии всего рода. Использовали ручники в качестве «подножника», на который молодые становились во время венчания. *Стоять на ручнике* означало то же самое, что вступать в брак.

После обряда «завивания» (перемены прически и накручивания намитки — головного убора замужней женщины) обоих молодых вели в хату, накрыв их головы ручником. Дома теща, одетая в выверну-

тый мех, снимала ручник и сажала молодых за стол. Во время церемонии дележа каравая молодая одаривала родню суженого полотном, намитками, поясами и, конечно, ручниками. Ручниками и полотном одаривали, в особенности девушки, и саму молодую в доме жениха. Вообще все, что входило в приданое — мотки ниток, лен, шерсть, ручники, намитки, — невеста получала от родственников и соседей еще до свадьбы. На самой свадьбе подарки складывали на застланное ручником «веко», крышку от дежи.

Ручниками одаривали музыкантов, шафера, сватов, а иногда и всех участников свадьбы. Обвязывание ручниками всегда обставлялось торжественными ритуалами и песнями. Невеста с подругами перевязывали по порядку старшинства всю дружину. Количество ручников — один или два, способы перевязывания — через левое или правое плечо, крест-накрест, их форма, длина, качество и декоративность определялись иерархическим статусом приглашенных на свадьбу. В отдельных регионах ручником отмечали и свадебный костюм молодых. Им подпоя-

сывали жениха, невесту или просто подтыкали его под пояс.

Выполнял ручник и роль дара-жертвы: молодая, чтобы задобрить домашних и родовых духов новой семьи, оставляла ручники и пояски в тех местах, от благополучия которых зависел достаток, — в хлеву, на гумне, в клети, на пчелиных ульях и колодце.

Кульминация свадебного веселья — приезд молодых в дом родителей жениха — сопровождалась выставкой приданого невесты: ручников, скатертей, постилок, предметов одежды. Присутствующие оценивали количество и качество изделий, богатство и красоту узоров. Вешая на стены ручники, молодая приговаривала: «Вот тебе, гваздок, ручнічок!» «Вот тебе, абразок, палатенца!» На иных свадьбах, случалось, выставляли до двадцати ручников. С этого дня молодая становилась соудельницей и помощницей в хозяйстве.

Не менее почетное место занимал ручник и в погребально-поминальной обрядности. О «смяротной» одежде и достаточном количестве намиток заботились заранее. Считалось, что сорок (двенадцать) дней после смерти душа умершего «ходзіць», навещает свое прежнее жилище. Для нее оставляли на окне хлеб, воду и ручник. Ручник вывешивали за окно в знак траура и для потребностей души умершего.

Ручник принадлежал как бы двум сферам — земной и небесной, живых извещал о печальном событии, а для невидимого существа иного света был опознавательным знаком рода, приглашением к поминальной трапезе, «дорогой» на землю, пристанищем и местом отдыха.

У окна была своя символика — наши предки соотносили его с идеей проницаемости жилья и связи его с окружающим миром космических явлений — солнца, месяца, звезд, чередования дня и ночи, света и темноты, зимы и лета. Окно воспринималось как символическое око, как прорыв в иное пространство, в иной мир, в видимые и невидимые глазу сферы бытия, одним из которых представлялся загробный свет — место пребывания душ умерших. Ручник на окне рассматривался как своеобразная лестница, связующая дорога, с помощью которой обитатели иного света проникали в земной мир.

Во время погребального обряда покойнику клали ручник (утиральник) или намитку по левую руку (правой умерший должен креститься). С давних пор сохранился обычай обивать домовину двумя-тремя ручниками или намитками, а позднее — полотном, паркалем. Намиткой накрывали и самого покойника. Наконец, ручниками на Белоруси издавна обвязывали надмогильные кресты. Отличия в узорах, особые предметы, известные только тем, кто изготавливал и

орнаментировал ткань, превращали ручники в опознавательный знак, с помощью которого можно безошибочно отыскать могилу близкого человека.

В совместные для общины поминальные дни — «дзяды» поминали всех мертвых предков, независимо от возраста и пола. Считалось, что умерший человек не исчезает бесследно, но, сбросив земное обличье, становится тонкой бес-телесной субстанцией, душой, которая подчиняется законам иного света, но не порывает окончательно связей с миром живых людей. Вот почему празднование «дзядоу» — не только дань уважения предкам, но и акт, направленный на сближение разных сфер бытия — земной и потусторонней.

Сообразно поре года различаются «деды» зимние («Масляныя»), весенние («Радауніца»), летние («Траецкія»), осенние («Змітраускія, Асяніны»). Асяніны празднуют обычно в хате, а Радуницу — на кладбище. Перед осенним празднеством наводили порядок и чистоту во дворе, в хате. Старательно мыли стены, скребли пол, чистили лавы, столы, особенно «кут, запечак», протирали иконы и завешивали их чистыми ручниками. Готовили лучшие праздничные блюда. Считалось, что чистота, вкусная еда и питье привлекут духов и они спустятся на короткое время из небесной обители на землю. На Радуницу приводили в порядок могилы, расстилали на них ручники, выставляли еду, а дома вывешивали ручники из окон, чтобы предки могли узнать жилища своих родных и навестить их.

Между весенней Радуницей и осенними «Вялікімі дзядамі» есть существенное различие: в первом случае это дань уважения новоумершим родичам, во втором — праздник всего рода, всех, о ком сохранилась коллективная память общины. Поминальная трапеза в «Змітраускую» субботу отличалась большой торжественностью и особыми ритуалами. После застолья остатки трапезы не убирали, на конец стола клали ручник, кусок мыла, ставили кубок с водой.

Символика ручников, применявшихся в поминальном, свадебном и родильном обрядах, имела немало сходных черт. И это не случайно: и родины, и свадьба, и смерть воспринимались как дорога в неизведанное, начало нового этапа, новой жизненной ситуации.

С древних пор ручники использовались в охранительных обрядах во время кризисных ситуаций — эпидемий, эпизоотии, засухи, градобоя или других напастей. Это, несомненно, общеславянская традиция. Когда приходила беда, женщины ставили на месте прогона скотины деревянный десятиконечный крест, собирали со всего села нитки, ткали из них с восхода солнца полотно, обносили вокруг деревни и вешали на крест.

Через эту полотнину прогоняли скот. В Волковыском повете, чтобы град не повредил посевы, женщины за ночь изготавливали ручник, с утра относили его в костел, освящали, после этого вытягивали из ручника все нити и наматывали их на колья вокруг поля. В других селениях полотно несли над головой с протяжным пением «аю-га!». Потом разжигали огонь из щепок или лучинок, принесенных с каждого двора, девушки держали концы полотна над огнем, а жители деревни переступали через огонь и переносили детей и больных. После этого полотно сжигали.

В годы Великой Отечественной войны, по воспоминаниям жителей деревни Мокровичи, обряд проходил так: «Собрались вместе пять женщин, выткали ручник, расшили его красными и черными цветами. Начали работу в субботу утром, закончили к вечеру. В воскресенье занесли в церковь и повесили на наиболее чтимую икону с надеждой, что мужья вернуться живыми и невредимыми с войны домой». А в деревне Великое Подлесье, «чтобы отошел немец», несколько женщин от восхода до захода солнца на пряли, выткали утиральник длиной примерно метра четыре, затем распустили полотно и «обтянули» деревню, начиная от церкви, одной длинной ниткой. «Каб скончылася вайна», ткали обыденный ручник и в деревне Слобода Лепельского р-на Витебской обл.

«Обыденник» ткали и в засуху. Повесив его на придорожный крест, хором просили: «Божа, дай дажджу!» Если дождя не было, ткали за сутки полотно аршин семь длиной, шивали вместе два полотнища и на рассвете прогоняли под ним стадо — коров и овец. Проходили под полотном и люди. После этого расшивали ткань и несли в церковь. Корни этой живой традиции уходят в язычество. Некоторые из обрядов демонстрируют хорошую сохранность архаической формы, иные адаптировались к христианскому вероисповеданию, однако и тогда и теперь от ручника ожидали помощи и предотвращения беды.

Обыденному ручнику приписывалось необычайное свойство вбирать, впитывать в себя реальное зло, служить неодолимой преградой для его проникновения в жизненный круг людей. В чем заключается действенная сила этого языческого талисмана? Почему этот обряд, пройдя сквозь тысячелетия, дошел до наших дней? Откуда эта апотропейная сила ручника? Магические свойства обыденного ручника, по Д.К. Зеленину, связаны с его новизной, а значит, абсолютной чистотой, о которую разбивается мощь нечистой силы. Чистота приобретает значение оберега. Но причина не только в этом. Дело в том, что ручник-оберег создается в особых, необычайных условиях. Первое условие: жесткое ограничение во времени, минимальный срок для изготовления

ткани; второе — обязательность коллективной работы (в прошлом традиция допускала до ткачества только незамужних девушек); а теперь представьте экстремальную, кризисную ситуацию, которая угрожает бедой всем жителям селения, весь драматизм надвигающихся событий, которые привели к решению ткать оберег, почувствуйте предельную взволнованность участниц обряда, их глубокую и нерушимую веру в его необычайную силу, ощутите напряжение их воли, ритмичность и слаженность работы, проникнутой одним желанием, одним искренним и горячим порывом — спасти, отвести несчастье. Целеустремленная концентрация мысли и воли закреплялась требованием полного и торжественного молчания во время работы; последовательно, шаг за шагом, шел процесс насыщения ткани той невидимой силой, которую давали неколебимая вера, горячее желание, высокое мысленное устремление. Женщины осознавали, что на их ручник возлагалась ответственная миссия спасения жизни, здоровья всех жителей деревни, и все свои думы и сердечный огонь передавали ручнику, коллективному оберегу. Сила ручника, таким образом, заключается не столько в его стерильной, первозданной новизне и чистоте, сколько, наоборот, в насыщенности его ткани особой мощностью, особой энергией. Психическая энергия обладает удивительным, таинственным свойством наслаиваться на предметах, сопровождающих человека. Особенности этой энергии и ее мощь, ее творческие и разрушительные возможности были в древности известны многим народам. Некоторые владели даже искусством создания терафимов — специально изготовленных предметов, на которые сознательно наслаивалась психическая энергия, способная воздействовать определенным образом. Обряд с обыденным ручником, вероятно, доносит до нас отголоски древнего искусства создания подобного магического талисмана, излучающего в данном случае благую энергию высоких духовных устремлений.

В связи с этим предположением все перечисленные выше охранительные обряды с ручником представляются глубоко продуманными и не случайными. Первоначально куском «заряженной» полотнины окружали все селение, создавая магический круг-пояс. Позднее реальное опоясывание было заменено символическим — обходом села с обыденным ручником в руках. Этот обряд переключается с обрядом опахивания. Распространенный преимущественно у русских, он был знаком и белорусам. Во время морового поветрия на скот, чтобы не допустить заразу в деревню, старухи, вдовы и незамужние девушки (иной раз и беременные женщины), условившись накануне, собирались вместе, раздевались до сорочки или донага, распускали волосы и, запрягшись в

соху, проводили замкнутую борозду вокруг поселения. Считалось, что персонифицированная смерть не в состоянии переступить через магический пояс земли.

Одним из действенных средств борьбы с нечистой силой, болезнями, эпидемиями считался ритуальный огонь. Чтобы отогнать заразу, обрести силу, способную ей противостоять, через костер шли люди, прогоняли (обкуривали) домашний скот. Огонь старались добыть «живой», с помощью трения деревянных дощечек. Нередко над костром простирали обыденник, соединяя очистительную силу огня и ручника.

Отметим реликтовый обычай вывешивать обыденник на деревянный крест, который ставили обычно на пересечении дорог, посреди села, на выезде и въезде, около кладбища, на обочине или на месте, где видели «прывід» (привидение). Неотъемлемой частью таких крестов являлись иконы и оброчные, обетные ткани. Самая древняя форма оброка — ручник, намитка, позднее — вышитые фартучки, платки, в последнее время — цветные ленты. Поваленный ветром или временем крест не поднимали, ставили рядом новый. Тканям, что висели на оброчных крестах, приписывалось лечебное воздействие. Оброчные кресты ставили также около примечательных природных мест — крыниц, озер, камней, пригорков, деревьев. Рассказывали, что около «матюшкиной» крыницы в селе Неглюбка до недавнего времени стояло восемь крестов. Там проходила «адправа» — совместная молитва жителей всего села, там же святили яблоки, просили дождя.

В традиционной культуре белорусов ручник выполнял все жизненно важные функции, в том числе *посредническую* — одну из самых значимых. Ручник выступал посредником между двумя родами, между человеком и миром его предков, между прошлыми и будущими поколениями, наконец, между человеком и Богом. Можно только догадываться, что именно превратило ручник в подобного рода универсальный медиатор. Возможно, тут не последнюю роль играют орнаментальные узоры, они могли выполнять роль своеобразного транслятора будущим поколениям сокровенных знаний, зашифрованных геометрическими символами. Не исключено, что близость ручника к божественным, высшим сферам бытия была продиктована изначально самим чудом изобретения ткачества, чудом изготовления ткани из растительных волокон. Как бы то ни было, посредническая роль древнеобрядовой ткани оказалась плодотворной и дала жизнь многим другим бытовым и эстетическим функциям ручника. Однако разное назначение и использование ручников не затемняло их основной смысловой нагрузки — нести охрану, помощь,

благое влияние, наконец, благословение Высших сил. В зависимости от обстоятельств благотворное магическое влияние ручника распространялось на всю общину, отдельную семью или каждого ее члена.

Ручник-набожник был, по всей вероятности, родовым оберегом, в современном понимании — воплощал в себе идею стяга. Этот охранительный покров собирал под свою опеку весь род. Его магическая сила разливалась не только на живых, но и на ушедших из жизни сородичей. Ручник обрядовый символизировал единство оп-

ределенной группы людей, был их опознавательным знаком в рамках родовой, а позднее семейной социальной группы и в конце концов — знаком их групповой силы, способной защитить человека, когда в том являлась потребность. И только с забвением древней направленности, с затемнением первоначальной символики орнаментальных мотивов внимание было перенесено на декоративно-художественную значимость ткани.

Белорусская вытинанка

И зделия традиционных ремесел любого народа, сколь бы утилитарными они не были, всегда имеют и другую смысловую сторону — это явление духовной культуры, модель гармонизации человека и Вселенной. С древних времен при одинаковых географических условиях археологические культуры на Беларуси различались по гончарной форме, оформлению (вышивке) одежды; в ткачестве в зависимости от региона предпочтение отдавалось тому или иному цвету или узору. Единство и многообразие форм народного творчества, богатый фактический материал дают прочное основание и служат глубоким, неиссякаемым источником для изучения человека.

Мастерство *вытинанки* — вырезания ажурных узоров из белой, черной или цветной бумаги (локальные названия — *вырезанка*, *выстриганка*) пришло на Беларусь из Китая.

Работы, выполненные в этой технике, имели первоначально определенный символизм и стиль, соответствующий общему направлению китайского изобразительного искусства. В Средние века вместе с секретом изготовления бумаги это мастерство через страны Ближнего Востока пришло в Западную Европу, и, при сохранении общих приемов работы, произведения каждый раз насыщались символическим смыслом и стилистическими приемами, свойственными той стране, в которой они получили распространение.

Интересно рассмотреть развитие этого вида искусства на Беларуси, которая была в то время тесно связана с Западной Европой. К белорусам вытинанка приходит из Польши. Исторически складываются два направления: аристократическое и народное. В дворянском и городском окружении вытинанка существует

Статья проиллюстрирована работами студентов декоративно-прикладного отделения музыкального училища имени М.К. Огинского г. Молодечно Минской области.

как реалистическая картина или профильный портрет, построенный на выразительности силуэта. Вырезались такие композиции профессиональными мастерами. Они украшали интерьеры усадеб и дамские альбомы. Это направление развивалось в тесной связи с общеевропейским.

На грани народной и аристократической эстетики возник теневой театр «Батлейка», который пришел к белорусам через католицизм и иезуитов. Действующие лица Святого Писания вырезались народными мастерами, но в силуэтах прослеживаются стилеобразующие черты барокко.

Народная вытинанка существенно отличается от аристократической. Возникла она довольно поздно, в конце XIX — начале XX столетия, когда бумага стала доступной и произошли изменения в крестьянском интерьере (стены стали белить). Из бумаги делали салфетки, занавеси на окна, простенки между окнами украшали композициями символического смысла. Но притягательность вытинанки не только в том, что она заменяла более ценные материалы. Не только из-за бедности крестьянка бралась за ножницы. И не только ради возрождения народного искусства режут узоры из бумаги профессиональные художники сегодня. Дело в том, что народная вытинанка — это увлекательнейшее занятие, захватывающая магия гармонии, в ее основе лежит универсальный принцип симметрии как основы мироустройства.

В науке и в области искусства, как мы знаем, принцип симметрии можно отразить разными способами. В вытинанке используют три способа: радиальный, раппортный и зеркальный.

Радиальный принцип иллюстрирует построение Вселенной от точки свернутой материи. То же говорит Библия: «В начале было Слово». В архаическом искусстве радиальная симметрия принимает универсальную форму мандалы. Мандала — это круг (в переводе с санскрита). Она имеет центр и четыре основных направления. Эта форма наиболее полноценной символики у народов Востока существует как форма медитации. В народном искусстве мандала — это салфетки, круговые узоры орнамента ткачества и вышивки.

Линейная симметрия (раппортная) с переносом параллельных осей отражает поступательное движение и воплощает бесконечное время — четвертое измерение нашего материального существования. Это та цикличность, которой подчиняется природа и жизнь человека.

Наиболее ярко этот принцип отражен в плетении (вырезании из бумаги) кружев.

Зеркальная симметрия — воплощение мифологического сознания древнего человека:

Левое — Правое

Женщина — Мужчина

Луна — Солнце

Отрицательный — Положительный

Зло — Добро

Но правое и левое подобно, как похожи мужчина и женщина, *в свете есть тьма, а во тьме свет.*

Зеркальная симметрия отразилась в мотиве Мирового дерева с фигурами людей либо животных по обе стороны изображения. Этот универсальный мотив народного творчества встречается в вышивке, ткачестве, резьбе по дереву, росписи.

Используя такие простые приемы, как складывание бумаги по разным осям, человек включается в *«игру» с основами Бытия*. Тот, кто занимался вытинанкой, подтвердит увлекательную магию симметрии.

Можно выделить несколько направлений развития этого вида народного искусства:

— аутентичное — когда, используя стилистику вытинанки, восстанавливают, воспроизводят орнаменты вышивки, ткачества, кружев;

— архитектурное — когда для композиции используются наиболее характерные силуэты зданий;

— символическое — когда символы и знаки архаики осмысливаются в свете современных знаний по культурологии, знаковым системам. Это направление можно назвать неомифологическим мышлением.

Вытинанка по своему характеру во многом напоминает гравюру на дереве: то же напряжение, та же борьба между черным и белым, между фоном (хаосом) и формой (проявлением). Форма отверстий тоже не случайна. Это различные видоизменения геометрических знаков квадрата, круга и треугольника, которые можно встретить еще в декоре неолитической керамики. Каждое отверстие имеет свое определенное место, насыщает вытинанку воздухом, делает ее «дышащей», легкой, а вместе с неразглаженными линиями сгиба придает бумаге эффект объемности.

Сегодня мы наблюдаем повсеместное увлечение вытинанкой на Беларуси. Тому есть несколько причин: достаточно высокая графическая культура, идущая из глубин веков, связанная с шедеврами рукописной книги и книгопечатанием, а с другой стороны — бессознательное стремление к гармонии с использованием мощных символов, закрепленных в народном искусстве.

